

Отъ мого- Боеннаго Агента

Кому :

Откуда :

КТО РАЗВЯЗАЛ ПЕРВУЮ МИРОВУЮ

Сегодня утромъ Сараевѣ убиты вѣстройлами изъ револвера наследника престола и его супруга. Убийца говорятъ сербъ. № 20

XX военные
тайны
века

С. ФЕЙ

Военные тайны XX века

**Кто развязал Первую мировую.
Тайна сараевского убийства**

«ВЕЧЕ»

2010

Кто развязал Первую мировую. Тайна сараевского убийства /
«ВЕЧЕ», 2010 — (Военные тайны XX века)

28 июня 1914 года в центре боснийского города Сараево были убиты наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и его жена. Покушение повлекло за собой цепь событий, которые через месяц ввергли все ведущие государства мира в затяжную войну, похоронившую старую патриархальную Европу. Несмотря на то что детали убийства Франца-Фердинанда досконально известны исследователям, с ним связано огромное количество «белых пятен». До сих пор непонятно, кто все-таки подталкивал «Черную руку», по какой причине в Сараеве не были предприняты минимальные меры безопасности и, наконец, кому было выгодно нарушить покой «старушки-Европы».

Содержание

Предисловие	6
Сидней Фей. Убийство в Сараеве 28 июня 1914 года	8
I. Эрцгерцог франц-фердинанд	8
Франц-Фердинанд и армия	10
Франц-Фердинанд и флот	14
Политические взгляды Франца-Фердинанда	15
Брак Франца-Фердинанда	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кто развязал Первую мировую. Тайна сараевского убийства

©Гончаров В.Л., составление, предисловие, авторские статьи, 2010

©ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Сараевское убийство 28 июня 1914 года стало одним из ключевых событий мировой истории XX века.

Можно долго спорить, действительно ли именно оно вызвало Великую войну или мировой кризис был неизбежен, а выстрелы Гаврилы Принципа лишь обрушили давно назревавшую лавину. Но убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда стало событием не столько истории, сколько культуры, оно приобрело символическое значение, сделавшись олицетворением этого кризиса и знаком крушения устоявшегося мирового порядка. Этими выстрелами кончился XIX век – век разума, просвещения и конституционных монархий. Начался XX век – век мировых войн, великих революций, массовых убийств, жестоких диктатур и терроризма, принявшего государственные масштабы.

За этими событиями как-то стерлись, отступили на второй план, были опошлены и даже обсмеяны личности главных героев сараевской трагедии. Что мы в первую очередь вспомним, когда речь заходит о них? Скорее всего, слова бравого солдата Швейка: «Стало быть, убили Фердинанда-то нашего?»

И наследник австрийского престола, и сербский студент стали едва ли не фольклорными персонажами, из трагических фигур превратившись в комические. Однако кем они были на самом деле? Что двигало людьми, готовившими бомбы и револьверы для покушения? Кто стоял за их спинами и направлял их руку? На ком лежит ответственность за покушение – и кто виновен в том, что этот террористический акт повлек за собой столь страшные последствия? Какова была истинная роль сараевского убийства в развязывании мировой войны, какие усилия предпринимались для предотвращения катастрофы и можно ли было ее избежать?

На все эти вопросы большинство исследователей Первой мировой войны не дают никаких ответов либо отделяются общими фразами о «противоречиях империализма», «германской агрессивности», «российском коварстве» и т. д. – в зависимости от того, к какой стране или какому политическому течению принадлежит тот или иной историк. Большинство из них гораздо более увлечены анализом геополитических стратегий Германии, Франции или России, разбором «плана Шлиффена», сравнением численности пехотных дивизий или подсчетом дредноутов, заложенных на верфях Портсмута, Лориана, Киля или Николаева.

Безусловно, это темы нужные, важные, а главное – крайне интересные. Однако те дредноуты давно уже сданы на слом, «план Шлиффена» отправлен в архив, геополитические расклады успели перемениться несколько раз. А вот терроризм процветает до сих пор – в том числе и на Балканах, где почти век назад вспыхнул пожар первой из мировых войн.

Что же стало причиной этого пожара – бессмысленный фанатизм революционной молодежи, коварный заговор тайной организации под зловещим названием «Черная рука» или провокационная политика двуединой монархии? Какую роль в событиях сыграли террористы из «Молодой Боснии» и кто стоял за их спиной? По крайней мере часть ответов на эти вопросы дает настоящий сборник.

Основой его стали избранные главы из фундаментальной работы американского историка-ревизиониста Сиднея Фей «Происхождение мировой войны». Этот двухтомный труд увидел свет в 1926 году и с небольшими дополнениями был переиздан в 1929 году. В 1934 году он был переведен на русский язык и вышел в «Соцэкгизе» под редакцией и с предисловием А. Ерусалимского, впоследствии ставшего видным советским историком и крупным специалистом по Германии конца XIX – начала XX века.

Сидней Фей симпатизировал Германии и в своем исследовании стремился доказать ее невиновность в развязывании мировой войны. Но он собрал богатый материал, посвященный

тайной дипломатии сторон конфликта и обладающий самостоятельной ценностью, вне зависимости от сопровождающей его трактовки. Фей проанализировал массу мемуарных и документальных источников – в том числе и посвященных сараевскому убийству и вызванному им дипломатическому противостоянию Австрии и Сербии; он дает подробнейшую картину тех событий, что происходили в июне и июле 1914 года в Вене, Будапеште, Белграде, Сараеве, Берлине, Лондоне и Петербурге и завершились объявлением войны Сербии 28 июля 1914 года.

Американский историк детально разбирает вопрос об ответственности за убийство и за последующие события. Его выводы могут показаться странными чересчур и противоречивыми – по сути, главными виновниками войны у него оказываются сербское правительство, не предпринявшее должных мер для предотвращения убийства, и коварный австрийский министр иностранных дел, ухитрившийся обмануть сразу двух императоров.

Но при этом Фей в своей работе дает детальное описание хода событий. Фактически он проводит собственное расследование сараевского преступления, проверяя версию за версией, сопоставляя показания свидетелей, выявляя факты и подробности, на которые другие историки не обращали внимание или даже сознательно пытались скрыть. В этом расследовании Фей честно старается быть объективным, пусть это и не всегда у него получается. Но главное – он дает нам портреты основных действующих лиц трагедии; быть может, не совсем объективные или искаженные пристрастностью авторской позиции, они все же выглядят куда более живыми и полнокровными, чем безликие имена со страниц учебника истории.

Главы из воспоминаний Оттокара Чернина, члена верхней палаты австрийского парламента, а впоследствии – министра иностранных дел двуединой монархии, хорошо дополняют «личностную» составляющую книги Фея. Чернин рисует подробный портрет убитого эрцгерцога – быть может, также несколько пристрастный, но очень яркий. Фрагменты из мемуаров Максимилиана Ронге, руководителя контрразведки австрийского Генерального штаба, обращают внимание на другую сторону событий – разведывательно-диверсионную работу австрийских спецслужб на Балканах летом 1914 года. Они дают серьезное опровержение тезисов Фея, убежденного (и пытавшегося убедить читателей), что террористическая деятельность в этом регионе велась лишь революционными фанатиками и сторонниками «Великой Сербии».

В качестве антитезы построениям Фея сюда же помещены и главы из работы У. Готлиба «Тайная дипломатия во время Первой мировой войны», посвященные австро-сербским противоречиям. Готлиб, английский историк левого направления, явно сочувствует Сербии и дает нам картину ситуации на Балканах, какой она виделась с сербской стороны. Кроме того, он демонстрирует объективные экономические и геополитические пружины балканского конфликта, которые Фей в своем расследовании упустил или не посчитал нужным проанализировать.

Впрочем, ни одна из работ сборника все-таки не дает ответа на главный вопрос. В чем причины балканского терроризма и терроризма вообще? Какие социальные и психологические механизмы порождают фанатиков, с легкостью находящих повод для ненависти и во имя этой ненависти готовых убивать так же легко, как и умирать?

Кем были Принцип, Габринович и их товарищи – кровожадными злодеями или несчастными жертвами? И что надо сделать, чтобы такие жертвы не появлялись впредь – ни поодиночке, ни в виде партий, организаций либо целых повстанческих армий?

Увы, ответы на все эти вопросы нам еще предстоит найти.

Владислав Гончаров

Сидней Фей. Убийство в Сараеве 28 июня 1914 года

І. Эрцгерцог франц-фердинанд

Эрцгерцог Франц-Фердинанд, после смерти своего отца Карла-Людвига в 1896 году ставший наследником австрийского престола, был при жизни и остался после смерти одной из самых загадочных политических фигур. Сами австрийцы высказывают самые противоречивые взгляды относительно предполагаемых намерений и влияния этого сфинкса. Многие считали его главою австрийских милитаристов, добивавшихся превентивной войны против Италии или Сербии; другие, наоборот, полагали, что его непосредственное влияние на австрийскую политику было невелико. Находились и такие, которые считали, что наследник престола был чуть ли не пацифистом.

Такое же расхождение наблюдалось и в отношении его взглядов на внутреннюю политику. Обыкновенно считали что он ненавидел мадьяр и склонен был покровительствовать сербам. Ему приписывали намерение возрождения монархии путем предоставления славянским национальностям таких же политических прав, какими немцы пользовались в Австрии и мадьяры в Венгрии. Другими словами, его считали сторонником федералистической организации монархии на началах так называемого триализма, вместо существовавшего дуализма.

Но фанатически настроенные сербы питали к нему слепую ненависть как к могущественному и решительному врагу и угнетателю и считали, что его следует убить во имя создания «Великой Сербии». И действительно, на процессе сараевских убийц в 1914 году Габринович, который бросил бомбу, откровенно заявил: «Наследник престола был человеком действия – я знал, что на Баальплаце существовала клика, именуемая военной партией, целью которой было завоевание Сербии. Во главе ее стоял наследник престола. Я полагал, что, избрав его объектом мести, я отомщу им всем»¹. Принцип, произведший роковые выстрелы, вызывающе заявил на суде: «Я нисколько не жалею, ибо я устранил препятствие с нашего пути. Он был немцем и врагом южных славян».

Русские тоже считали его своим врагом и были рады, что царь избавился от него благодаря сараевскому убийству. «Не только в печати, но и в обществе приходится слышать почти одни враждебные отзывы об убитом эрцгерцoge; указывают, что Россия потеряла в его лице ожесточенного врага», – доносил германский посол из Петербурга. Между тем германский император написал на полях этого доклада одну из тех пометок, в которых он свободно выражал свои сокровенные мысли и непосредственные впечатления: «Эрцгерцог был лучшим другом России, он желал возродить союз трех императоров».

Но ошибочные и противоречивые суждения об эрцгерцoge, распространенные при его жизни, ничто в сравнении с тем, что высказывали о нем после его смерти. Говорили, что он затевал заговор с целью свергнуть с престола своего дядю, что он в союзе с императором Вильгельмом хотел разрушить двуединую монархию, захватить Польшу и Венецию и создать два новых государства, которыми должны были править впоследствии его сыновья, зато немецкая Австрия должна была отойти Германской империи в награду за услуги, оказанные императором Вильгельмом. Делались темные намеки, что его трагическая смерть была вызвана попустительством со стороны австрийских властей, которые желали предотвратить осуществление этих пугавших их намерений или по крайней мере хотели скомпрометировать Сербию и, таким образом, получить предлог для уничтожения соседнего королевства. По другим слухам, его

---

¹ Утверждение о том, Франц-Фердинанд возглавлял военную клику и был врагом сербов, совершенно не правильно, как это будет показано ниже. (Примеч. авт.)

убийство было вызвано тем, что, будучи ревностным католиком, он собирался напасть на Италию и восстановить светскую власть Папы. Один весьма популярный германский автор посвятил полглавы своей книги доказательству того, что убийство эрцгерцога было решено масонами шотландской ложи, которая это свое постановление проводила в жизнь через масонскую ложу в Белграде.

Но где же среди этих противоречивых сплетен и слухов правда об этом таинственном человеке, смерть которого послужила искрой, зажегшей европейский пожар?

Франц-Фердинанд родился 18 декабря 1863 года и был старшим сыном Карла-Людвига, брата императора Франца-Иосифа. Его чахоточная мать, дочь Фердинанда II, последнего короля обеих Сицилии из династии Бурбонов, умерла, когда он был еще ребенком, но его с большой любовью воспитала его мачеха, португальская принцесса. Когда он был молодым, на него не смотрели, как на возможного наследника престола, пока трагическая смерть кронпринца Рудольфа в Меерлинге в 1889 году не оставила Франца-Иосифа без прямого наследника по мужской линии.

Поэтому Франц-Фердинанд сначала не получил никакой подготовки в политических вопросах. Как большинство австрийских эрцгерцогов, он был определен в армию и предназначался для военной карьеры. Он никогда не отличался особенно крепким здоровьем, может быть, вследствие предрасположения к чахотке, унаследованного им от матери. Порою это предрасположение принимало угрожающий характер, и ему не раз приходилось проводить по несколько месяцев в Бриони или в Мирамаре, на теплых берегах Адриатики. Здесь он сильно заинтересовался проблемой создания австрийского флота. Для поправки здоровья он ездил также в Швейцарию, в Давос, а в 1892–1893 годах предпринял продолжавшееся 10 месяцев кругосветное путешествие. В роковую весну 1914 года некоторые предсказывали, что престарелый император, которому минуло 84 года, еще переживет своего племянника, только что перешагнувшего за 50 лет.

Больные легкие, по-видимому, повлияли до некоторой степени на образ жизни и характер Франца-Фердинанда. Болезненное состояние не действовало смягчающе на его нрав. Ему казалось, что судьба обошлась с ним несправедливо, и это развило в нем стремление избегать общество. Нескрываемая поспешность, с которой многие, особенно из придворного круга, покинули эрцгерцога, когда наследник серьезно заболел и казалось, что он уже не сумеет занять престол, ожесточила его, хотя и без того по природе он не был приветлив. У него еще более развились недоверие к окружающим и презрение к людям вообще.

Возможно также, что болезненное состояние еще укрепило его глубокую преданность католической церкви – особенно после того, как он женился на ревностной католичке. И это усилило в нем железную решимость преодолеть все препятствия и подготовиться к делу управления государством Габсбургов. Он изучил языки национальностей, которыми ему предстояло управлять. Он слушал также лекции ученых по разным областям знания, и с течением времени из его коллекций по естествознанию и искусству образовался довольно внушительный музей. Вопросами организации и усовершенствования армии, а впоследствии и создания флота он занимался с настойчивой энергией и проявлял недюжинные способности в этой области.

После того как эрцгерцог женился и должен был заботиться о семье, он значительную часть года проводил в Коношипте, где создал образцовое хозяйство, которое, подобно Валленштейну, вел с довольно большой для себя выгодой. Возможно, что эта твердая решимость жить способствовала тому, что за последние годы его здоровье несколько окрепло. Но ему никогда не удавалось освободиться от желания держаться подальше от общества и от широкой публики.

У него было очень мало близких друзей, он и не пытался приобретать их. В этом отношении весьма характерно замечание, высказанное им Конраду фон Хетцендорфу. Речь шла о том, как следует организовать производство офицеров в армии. Начальник Главного штаба

сказал, что считает нужным держаться хорошего мнения о человеке, пока не узнает о нем что-нибудь порочащее его, и что поэтому иногда слишком опрометчиво давал повышения молодым офицерам. Эрцгерцог ответил на это: «Мы держимся разных взглядов. Вы начинаете с того, что считаете каждого человека ангелом, и потом вас ждет печальное разочарование. Я считаю всякого, кого вижу в первый раз, самым посредственным субъектом и жду, пока он сделает что-нибудь такое, чем мог бы заслужить у меня лучшее мнение».

При таком отношении к людям трудно было, конечно, приобрести хорошую репутацию, этим отчасти можно объяснить враждебные и злорадные сплетни, так широко циркулировавшие в Вене относительно эрцгерцога и его жены и повторявшиеся во многих донесениях представителей держав Согласия. Но те немногие друзья, с которыми он был близок, которые видели его сидящим на полу и играющим с детьми, как его секретари или император Вильгельм, были глубоко ему преданы.

Франц-Фердинанд и армия

Франц-Фердинанд сосредоточил все свои заботы на армии, флоте и семье; наряду с этим он увлекался охотой, коллекционерством и управлением своим имением.

С 1906 году, с тех пор как личным адъютантом эрцгерцога был назначен майор Брош, эрцгерцог стал непосредственно входить в дела армии. Брош был чрезвычайно умным и способным офицером; он стремился усилить свое собственное влияние, а также и влияние эрцгерцога на военные дела. После долгого сопротивления ему удалось добиться устройства собственной военной канцелярии эрцгерцога, подобно той, какую имел император. С этого времени все важнейшие военные документы, а также донесения военных атташе представлялись в двух экземплярах, и Франц-Фердинанд получал свой экземпляр одновременно с императором; таким образом, племянник был так же осведомлен, как и дядя.

Вскоре он стал принимать более деятельное участие в военных реформах и в реорганизации армии, чем сам император. О его активности в этой области свидетельствует то, что штат его военной канцелярии очень скоро разросся, увеличившись с 2 до 14 человек, так что он был только на 2 человека меньше, чем канцелярия самого императора.

Франц-Фердинанд рассматривал австро-венгерскую армию как важное орудие политического объединения, способное противодействовать разлагающим элементам внутри двуединой монархии и защитить ее в случае войны с внешним врагом. Он настаивал, чтобы в армии был один общий язык командования – немецкий, по крайней мере для всех офицеров, с тем чтобы офицеры в полках других национальностей владели также тем языком, на котором говорили их солдаты.

Одной из главных его задач было усиление и увеличение армии. Этим объясняется ненависть, с которой он относился к мадьярским политикам, не желавшим вотировать испрашиваемые военные кредиты и требовавшим, чтобы в венгерской части армии командовали на мадьярском языке. Как остро ощущал Франц-Фердинанд необходимость увеличения армии, видно из характерного письма его Конраду фон Хетцендорфу, где он жалуется на отказ мадьяр вотировать новые налоги на увеличение числа венгерских рекрутов:

«Вы можете себе представить, дорогой Конрад, в какое состояние бешенства и отчаяния это меня привело, в особенности в связи с позицией, занятой военным министром [Шейнахом] и общими их [австрийским и венгерским] правительствами! С одной стороны, они возвещают всему миру, что у них есть излишек в 200 млн крон, ассигнуют 20 млн гражданским чиновникам и столько же железнодорожным служащим, но не могут дать каких-нибудь жалких 9 млн бедным армейским офицерам. И все это из-за нескольких изменнически настроенных венгерских политических болтунов.

Ясно, что все это только предлог. Главная причина в том, что монархия – в руках евреев, масонов, социалистов и венгерцев, которые ею правят. Все эти элементы стараются возбудить в армии и среди офицеров недовольство, оскорбляют их для того, чтобы в тот момент, когда армия понадобится мне, я бы не мог на нее рассчитывать... Знаете, что я сделаю, когда стану императором? Я позову к себе Векерле, Века, Зикгарта и Шейнаха и скажу им: „Я вас всех к черту пошлю, если в течение недели не будут увеличены число рекрутов и жалованье офицерам моей армии!“ И я ручаюсь, что я получу все это в 24 часа».

Наиболее важным шагом в энергичных усилиях Франца-Фердинанда, направленных на улучшение армии, было поставленное им в 1906 году требование о назначении нового начальника Генерального штаба. Бека, который в то время занимал это место, военные специалисты считали совершенно не пригодным для такой должности. Это был сморщенный старичок, принадлежавший к тому же поколению, что и престарелый император. Время, когда он мог быть полезен, давно уже миновало, но Франц-Иосиф по своему мягкосердечию ни за что не хотел его уволить. «Можно было видеть, как он прогуливается по улицам Вены. Он напоминал наружностью добродушную маленькую обезьянку и представлял собой воплощение полного военного бессилия», – пишет Каннер в «Катастрофе императорской политики».

Но Бек был честный, прямой офицер и чрезвычайно симпатичный человек; с ним легко было иметь дело, и он пользовался известной популярностью. Он и тщательно подобранный им офицерский корпус воплощали рыцарское достоинство и корпоративный дух лучшего старого венского общества. Франц-Иосиф считал их главной опорой своего трона, унаследованного от предков. Забота о постижении практических результатов не нарушала их спокойствия и рутины, их идеалом было постепенное развитие оборонительных сил Австрии в их естественной эволюции. Благодаря взаимному доверию и дружеским отношениям с императором Бек смог удержаться во главе австрийского Генерального штаба в течение 24 лет.

Несмотря на преклонный возраст, можно сказать – даже дряхлость, Бек все еще оставался ревностным служакой. У себя на родине, в Бадене, он был воспитан в духе германской пунктуальности. Его осторожная консервативная политика бездействия в известной мере благоприятствовала делу европейского мира. Поэтому никто не решался настаивать на отставке старого начальника Генерального штаба, пока Франц-Фердинанд не потребовал, чтобы на его место назначили другого. Император в конце концов уступил, и в ноябре 1906 года в военном управлении в Вене появился новый начальник Генерального штаба – Конрад фон Хетцендорф.

Назначение Конрада на высший пост в австрийской армии совпало с переменами в Министерстве иностранных дел. Робкий поляк граф Голуховский был заменен честолюбивым аристократом, бароном Эренталем. Вскоре стало ясно, что в австрийской внешней политике началась новая эра – более агрессивных и смелых выступлений.

У власти стали люди, которые считали, что Австрия последовательно идет к распаду и что в наступивший грозный одиннадцатый час нужно приложить отчаянные усилия, чтобы влить новые силы и жизнь в ее политический организм и парализовать тенденции к распаду, порождаемые вожделениями национальностей, находившихся в подчиненном положении. Указывали, что Австрия находится в состоянии такого же упадка, как и Турция. Не правительство Оттоманской империи, а империя Габсбургов оказалась «больным человеком Европы»². Конрад и Эренталь очутились в роли докторов, которым предстояло испробовать радикальные средства для того, чтобы спасти пациента от смерти. К несчастью больного, доктора коренным

---

² Точнее: «Австрия – „больной человек“ после Турции». Фей не приводит ссылку на автора этой формулировки, а им был В.И. Ленин. (Примеч. ред.)

образом расходились в диагнозе и методах лечения, как это часто бывает с врачами, да и недолюбливали друг друга.

Назначение Конрада на должность начальника Генерального штаба, совершившееся по настоянию наследника и с согласия императора, в сущности, было не по душе Францу-Иосифу. Престарелый монарх чрезвычайно гордился старой армией, во главе которой сражался так много лет, и теперь он испытывал недовольство по поводу стремительных перемен и реформ, которые вводил Конрад. Последний с большой самоуверенностью настаивал на том, что маневры должны по возможности приближаться к условиям настоящей войны, а также желал воспользоваться первой возможностью для превентивной войны с Италией и Сербией. На Рождество 1906 года, всего лишь через месяц после назначения Конрада, престарелый император с неудовольствием заметил: «Конрад – неугомонный организатор. У него нет достаточного опыта. Это видно по всему, что он делает, и, кроме того, мне кажется, что у него несчастливая рука».

С течением времени недоверие, которое испытывал император по отношению к новым порядкам, вызвало отчуждение между ним и армией, с которой он был связан всю свою жизнь. Это еще больше омрачило последние годы жизни этого самого одинокого и несчастного представителя династии Габсбургов. Тактика Конрада – проводить ежегодно большие «маневры, приближающиеся к условиям настоящей войны», без заранее тщательно подготовленных планов и с предоставлением офицерам возможности проявить инициативу и самостоятельность – часто приводила к самым печальным результатам. Главное значение придавалось быстрому наступлению, и солдат буквально доводили до изнеможения форсированными переходами.

Нередко они приходили к месту назначения совершенно вымотанными, в полном беспорядке, слишком утомленные и голодные, чтобы обращать внимание на что бы то ни было, даже на своего короля и императора. Проезжая по полю, Франц-Иосиф видел сотни солдат, лежавших смертельно уставшими в канавах вдоль дороги; кавалерия и пушки были разбросаны по полям, оттого что лошади легли от изнеможения. Весь этот режим, заведенный Конрадом, коренным образом отличался от декоративных и полных достоинства маневров старого Бека, у которого императора приветствовали тщательно выстроенные ряды солдат, почтительно салютовавшие ему, когда он объезжал фронт.

Престарелого императора чрезвычайно огорчало то, что он видел, и хотя он не склонен был находить ошибки и критиковать, тем не менее однажды при посещении им германского императора в 1909 году он дал волю своим чувствам. Передним как раз проходил германский полк в идеальном порядке, со строжайшим соблюдением дисциплины. Франц-Иосиф обернулся к одному из своих офицеров и резко сказал: «Почему это совершенно не возможно у нас?» Офицер пожал плечами, а император еще более огорченным тоном продолжал: «Ну конечно, из-за нелепых приемов, которые теперь у нас завелись, я и мечтать не могу о таком параде».

Конрад действительно вызвал отчуждение между армией и императором. После 1909 года Франц-Иосиф утратил охоту бывать на маневрах, которые раньше доставляли ему всегда особенное удовольствие. Вместо себя он посылал своего племянника. В качестве такого представителя Франц-Фердинанд и отправился в 1914 году в Сараево, чтобы присутствовать на маневрах нескольких армейских корпусов.

То обстоятельство, что Конрада выбрал Франц-Фердинанд, который добился его назначения и поддерживал с ним интимные отношения, было одной из причин, почему между императором и наследником престола не могли установиться сердечные отношения. Это было также одной из причин, почему полагали – особенно враги Австрии, – что Франц-Фердинанд придерживался таких же милитаристских взглядов, как и Конрад, который во всеуслышание провозглашал их в своих докладных записках, в интервью и в разговорах в кафе.

Правда, наследник, если не считать случайных вспышек раздражения, всегда поддерживал Конрада, невзирая на критику и завистливую оппозицию, которую встречал новый начальник Генерального штаба. Когда в ноябре 1911 года Конрад оказался вынужденным подать в отставку вследствие столкновений с Эренталем и Шейнахом по вопросам внешней и военной политики, Франц-Фердинанд добился в следующем году его возвращения на этот пост.

Вследствие отсутствия достоверных сведений публика, естественно, склонна была отождествлять покровителя с его протее. Но было бы неправильно причислять Франца-Фердинанда к австрийским милитаристам и полагать, что он разделял взгляды начальника Генерального штаба относительно маневров, превентивной войны и агрессивной внешней политики. Эрцгерцог, безусловно, не одобрял того напряженного темпа, в котором проходили маневры у Конрада. Он воспользовался своим влиянием для того, чтобы внести некоторую умеренность в это дело после печальных результатов маневров в Мезерице в 1910 году, когда он воскликнул: «Нет надобности учить солдат умирать, маневры меньше всего предназначены для этого!»

Когда аннексионный кризис достиг своего максимального напряжения и Австрия и Сербия готовились к войне, более осторожный наследник престола оказывал противодействие австрийским милитаристам, добивавшимся немедленной войны с Сербией, что могло повлечь за собой войну с Россией. Он стоял за мирную ликвидацию кризиса. Впоследствии, во время первой Балканской войны, когда панслависты и военная партия в России заняли весьма угрожающую позицию по отношению к Австрии, Конрад, как всегда, настаивал, на том, чтобы немедленно рассчитаться с Сербией, не останавливаясь даже перед риском войны с Россией. Но Франц-Фердинанд решительным образом воспротивился этому и настаивал, чтобы в интересах мира военные силы Австрии были сокращены. «Он ни в коем случае не желает войны с Россией и ни за что не согласится на нее; он не желает отнять у Сербии ни одного сливового дерева, ни одной овцы; он слышать об этом не хочет»³. Германскому военному атташе он сказал: война с Россией была бы полной нелепостью, потому что для нее нет никакого основания и она ничего не может дать. Он сказал также, что он против конфликта с Сербией и что, по его мнению, внутренние проблемы Австро-Венгрии более настоятельно требуют разрешения, чем внешние.

В беседе с Конрадом эрцгерцог подчеркнул, что руководящей идеей должно быть сотрудничество Германии, России и Австро-Венгрии, прежде всего в силу монархических интересов. И он добавил: «Возможно, что придется предпринять какие-нибудь шаги против Сербии, но только для того, чтобы ее наказать; ни в коем случае не следует аннексировать хотя бы один километр... Войны с Россией надо избегать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов!» Он обратил внимание Конрада на письмо германского императора, который высказывал такое же мнение, поэтому он твердо решил – «никакой войны!»⁴ Из этого видно, что эрцгерцог и германский император – оба были против войны с Россией и склонялись к старой политике лиги трех императоров для обороны против Франции и для защиты монархических интересов.

Месяц спустя Франц-Фердинанд послал к Конраду полковника Бардольфа – предупредить его, чтобы он перестал склонять Берхтольда к войне. Ответ Конрада показывает, до какой степени неправильно общераспространенное представление, будто германский император всегда поддерживал австрийскую агрессивную политику на Балканах:

---

³ Из письма полковника Бальфура, личного секретаря эрцгерцога, Конраду фон Хетцендорфу от 22 февраля 1913 года. В своих мемуарах Конрад приводит и сказанные ему слова Берхтольда: «Я не могу дать свою подпись для войны с Россией, эрцгерцог Франц-Фердинанд решительно против войны». (Примеч. авт.)

⁴ Разговор происходил 27 февраля 1913 года, приведен в мемуарах Конрада. (Примеч. авт.)

«Я хочу, чтобы эрцгерцог сам не так поддавался влиянию германского императора. Он удержал нас в 1909 году, а теперь он снова хватает нас за руку. Это результаты нашей совершенно безуспешной политики по отношению к Турции. Я убежден, что немцы равнодушны к нашим интересам, но нам нужно о них думать. Германия спокойно использует нас, потому что этим она лучше обеспечивает себя против Франции, которой она боится больше всего, но в случае надобности она готова пожертвовать нами».

Поэтому Конрад подумывал даже о том, чтобы отказаться от поста начальника Генерального штаба, не желая нести ответственность за упущенную возможность покончить с Сербией.

Осенью 1913 года, когда Сербия бросила вызов державам, отказавшимся признать албанскую границу, установленную на Лондонской конференции, Конрад снова настаивал на военном выступлении Австрии в защиту Албании. Берхтольд медлил. Тогда Конрад переговорил с Форгачем; граф Форгач согласился с тем, что решительная интервенция была бы самым лучшим выходом из положения, но он уже не надеялся, что этого можно добиться. «Император и наследник престола – сказал он, – против этого, а Берхтольд не станет их принуждать». Несколько дней спустя Чернин тоже сказал Конраду: «У нас в Австрии мы должны считаться с императором и наследником престола, которые не склонны к войне, особенно наследник; он безрассудно цепляется за мир».

К Италии Франц-Фердинанд всегда питал сильную антипатию и глубокое недоверие: отчасти это вызывалось политической неприязнью к стране, которая захватила его фамильные земли в Модене и Эстэ, отчасти тут действовала ханжеская религиозная антипатия к государству, которое лишило Папу светской власти и которым, казалось, управляли масоны и антиклерикалы; отчасти действовало и то, что он – не без основания – подозревал итальянскую дипломатию в двуличии. Тем не менее он отказался поддержать Конрада в его неоднократных попытках затеять превентивную войну с Италией – сначала в 1907-м, а потом в 1911 году, когда Италия начала войну с Турцией.

Совершенно неправильно изображать Франца-Фердинанда как неукротимого представителя крайнего австрийского милитаризма. Это легенда, возникшая уже после начала войны. Эрцгерцог принадлежал к числу тех, которые следовали правилу: *si vis pacem, para bellum* (если хочешь мира, готовь войну). Но в отличие от многих сторонников этого правила он не принадлежал к числу людей, которые могли поддаться желанию затеять войну и пустить в ход военную машину, созданную для сохранения мира. Барон Силаси, либеральный венгерский магнат, занявший в декабре 1913 года пост австрийского посла в Афинах, писал:

«За два дня до моего отъезда пригласил меня к себе и обсуждал со мной международное положение. Он, по-видимому, был настроен также миролюбиво, как и его дядя, император, и желал соглашения с Россией. Вполне возможно, что он желал в будущем осуществления югославянских стремлений в рамках монархии и сурово критиковал политику Тиссы, который делал невозможным улучшение отношений с Сербией и Румынией».

Если бы в июле 1914 года Франц-Фердинанд был жив, он, весьма возможно, использовал бы свое влияние и свой авторитет для того, чтобы помешать Конраду и Берхтольду вести ту безумную политику, которая привела к мировой войне.

Франц-Фердинанд и флот

Был еще один вопрос, в котором Франц-Фердинанд и Конрад не сходились во взглядах, – это вопрос об австрийском флоте. К концу XIX столетия у Австрии почти не было флота. Франц-Фердинанд благодаря своей огромной энергии и проявленному им интересу создал

совершенно новый флот: он надеялся, что австрийский флот будет служить противовесом итальянскому в Адриатическом и Средиземном морях. До него господствовало мнение, что интересы Австрии – чисто континентального характера и что всякое столкновение с иностранной державой будет в конечном счете, разрешено сухопутной армией. Поэтому деньги надлежало тратить на армию, а не на флот, который рассматривался как роскошь. Считали, что монархия Габсбургов не располагает достаточными средствами, чтобы содержать надлежащую армию и одновременно создать флот, который был бы в состоянии померяться силами хотя бы с итальянским; не говоря уже о крупных морских силах, которые сосредоточили в Средиземном море Франция и Англия. Конрад придерживался старого образа мыслей. При той болезненной подозрительности, которую начальник Генерального штаба питал в отношении Италии, он, конечно же, приветствовал бы развитие австрийского флота, если бы только оно могло совершаться без всякого ущерба для интересов армии. Но когда парламент чинил затруднения при ассигновании средств и приходилось выбирать между абсолютно необходимыми, с его точки зрения, требованиями армии и вполне похвальным желанием создать флот, он обыкновенно использовал все свое влияние в пользу армии. Точно так же он ревниво сопротивлялся набору рекрутов для флота за счет армии.

Император Франц-Иосиф обнаруживал еще меньше интереса к вопросу о флоте. Правда, в последние годы своей жизни он посещал верфи, присутствовал на морских маневрах, но делал это формально, только потому, что это входило в его обязанности монарха. Он мог простаивать чуть ли не часами на капитанском мостике – и не поднести ни разу морского бинокля к глазам. Он делал вид, что с интересом следит за маневрами, но люди, близкие к нему, отмечали, что он ни разу не задал ни одного нужного вопроса, касающегося морского дела, никогда не проявлял никакого энтузиазма по отношению к флоту и никогда не носил морской формы; у него ее даже и не было, хотя он располагал обширным и весьма дорого обходившимся гардеробом, заполненным всевозможными военными мундирами.

Огромные военные суда XX столетия с их сложным соединением стали, пара и электричества были для него чужды и непонятны. Он и Бисмарк принадлежали к более старому поколению, которое чувствовало себя хорошо в генеральской форме и понимало, для чего нужна армия. А вот император Вильгельм и Франц-Фердинанд были людьми нового века, которые верили, что «будущее на воде». И действительно интерес к морскому делу был одним из тех моментов, которые сблизили германского императора с наследником австрийского престола. Несмотря на оппозицию, или по крайней мере отсутствие всякого энтузиазма со стороны Конрада и императора, Францу-Фердинанду удалось к 1909 году довести австрийский флот до довольно внушительных размеров. Хотя по мощности он и был вдвое слабее итальянского, но хорошо держался во время войны и показал, что дух адмирала Тегетгофа еще не окончательно исчез.

Политические взгляды Франца-Фердинанда

В своих взглядах на внешнюю политику Франц-Фердинанд был солидарен с дядей и подобно ему считал двойственный союз с Германией краеугольным камнем австрийской политики. Это убеждение укреплялось у него еще больше личным уважением к Вильгельму II, который завоевал симпатию эрцгерцога большим тактом, проявленным по отношению к его жене. С Румынией Франц-Фердинанд старался укрепить лояльные союзные отношения. И он, и жена его были очарованы приемом, который оказали им король Кароль и королева Кармен-Сильва в июле 1909 года. Им чрезвычайно понравился простой образ жизни, который румынская королевская семья вела в своем летнем дворце в Синае, который так резко отличался от чопорного церемониала и душной придворной атмосферы венского двора. Эрцгерцог был тронут также тем искренним доброжелательством, с которым румынская королева старалась развлечь его

графиню, приглашая ее на прогулки верхом и угощая чаем у себя на ферме. Он долго еще вспоминал об этом визите как об одном из самых счастливых моментов своей жизни.

Зато к Италии эрцгерцог относился с глубоким недоверием, хотя и считал неблагоразумным предпринимать превентивную войну для того, чтобы разоблачить сомнительную лояльность Италии по отношению к Тройственному союзу. Наоборот, он желал сохранить мир с Италией и по возможности поддержать с ней прочные отношения. Как к наследнику modenского герцога Франциска V к нему в 1875 году перешло состояние фамилии Эстэ, но он ничем не обнаруживал желаний восстановить герцогскую власть, уничтоженную в 1859 году. Не желая задевать Савойскую династию, правившую в Италии, он никогда не носил ордена Черного Орла династии Эстэ, хотя к нему перешло по наследству от Франциска V звание гроссмейстера этого ордена.

С Россией Франц-Фердинанд желал поддерживать дружественные отношения. Будучи сам по натуре автократом, он восхищался самодержавным строем России в том виде, как он существовал до Русско-японской войны и Русской революции 1905 года, которые пошатнули царский трон. Зато впоследствии он разочаровался в прочности положения Николая II. Это, может быть, явилось одной из причин, почему он стремился установить более близкие личные отношения с императором Вильгельмом и румынским королем Каролем. По отношению к французам он не скрывал своей антипатии; он никогда не мог забыть унижения, причиненного Австрии Наполеоном I, и считал Наполеона III ответственным за унижение Австрии в XIX столетии. К Великобритании он, наоборот, относился с уважением, и одно время ходили даже слухи, что он не прочь был жениться на принцессе Марии. Таковы были взгляды на внешнюю политику, приписываемые Францу Фердинанду людьми, хорошо его знавшими. У нас нет основания сомневаться в правильности их сообщений.

Что касается взглядов Франца-Фердинанда на внутренние и национальные проблемы империи Габсбургов, то здесь трудно сказать что-нибудь определенное. Люди, близкие к нему, например майор Брош или его личный секретарь Никич-Баулес, были убеждены, что если эрцгерцог взойдет на трон, то он освободит угнетенные национальности и попытается организовать монархию на федеративных началах, заменив существующий «дуализм» системой «триализма». Такое же мнение высказывалось почти во всех некрологах, посвященных эрцгерцогу в австрийской и германской прессе. Кое-какие признаки говорили в пользу такого предположения: энергичный характер эрцгерцога и его склонность к реформам, его отношения с императором Францем-Иосифом, внимательное изучение им национального вопроса и некоторые его проекты, опубликованные впоследствии.

Конечно, Франц-Фердинанд во многих отношениях был консерватором, как этого и следовало ожидать от человека, выросшего в традициях католической церкви. Но тем не менее свойства его характера делали его человеком, безусловно, способным предпринять реорганизацию монархии. У него не было склонности сохранять учреждения только потому, что они давно существуют. Наоборот, он больше смотрел в будущее, чем оглядывался на прошлое, и был более склонен проводить реформы, соответствующие требованиям времени, чем сохранять то, что имеет за собой почтенную давность. При своей неугомонной энергии и железной воле он не выносил традиционного церемониала венского двора и устарелых методов австрийского административного аппарата, которым управляли преимущественно старцы, принадлежавшие скорее к поколению Франца-Иосифа, чем к XX веку.

Для его реформаторских тенденций было показательным, что под его влиянием престарелый Бек был заменен на посту начальника Генерального штаба Конрадом; это же влияние сказалось в организации армии и флота. Всюду, где он имел власть, он обнаруживал свое умение модернизировать и улучшать ту организацию, которая существовала до него. Это особенно ярко проявилось в преобразовании, которое он произвел в своих владениях в Конопштите: он превратил их в цветущие имения, а его садоводство славилось своими розами по всей Европе.

Он любил делать все быстро, широко пользовался телеграфом и телефоном и выражал недовольство своим секретарям, если какое-нибудь дело оставалось не законченным у него на столе дольше суток. Во всем этом он был полной противоположностью своему престарелому дяде.

Франц-Иосиф был монархом божьей милостью в полном смысле этого слова. Он все еще правил или хотел править в патриархальном духе. Одним из его величайших недостатков было то, что он сам занимался всякими мелочами. Голова у него была до такой степени забита ими, что он не охватывал широких интересов монархии. Как это естественно в его возрасте, он был склонен больше жить прошлым, чем заглядывать в будущее. Он не решался производить никаких перемен в рутине старого габсбургского правительственного аппарата, даже если ему разъясняли, какие выгоды можно получить при применении современных методов.

Контраст между дядей и племянником проявился в одном инциденте, который имел место в 1911 году и был связан с управлением некоторыми семейными имениями Габсбургов, унаследованными от императрицы Марии-Терезии. Имущества эти управлялись на основании регламента, составленного еще полтора столетия назад и уже совершенно не пригодного для современных условий. Эрцгерцог тщательно занялся этим вопросом и позволил себе вручить императору пространную докладную записку, в которой указывал, как необходимо реорганизовать управление этим фамильным имуществом. Административный персонал был слишком многочислен и нередко состоял из лиц неспособных, а иногда и нечестных. Эрцгерцог обстоятельно доказал, что сахарный завод в Гединге ежегодно теряет 200 тысяч крон вследствие нелепого контракта. Другое имение сдавалось в аренду из расчета 47 крон за акр, тогда как легко можно было получить от 70 до 80 крон; это тоже давало убыток приблизительно в 100 тысяч крон в год.

«Значительная часть семейных доменов сдается в аренду на большие сроки и за арендную плату, которая могла бы быть приемлема 40–50 лет назад, но которая сейчас просто смешна», – писал эрцгерцог. Поэтому он просил монарха рассмотреть весь вопрос в целях проведения хозяйственных реформ, соответствующих требованиям XX века. Император в течение нескольких недель не отвечал на это письмо. После того как ему несколько раз напомнили о нем, он наконец дает следующий характерный ответ:

«Я тщательно рассмотрел этот вопрос со всех сторон и пришел к выводу, что, как ответственный хранитель этого семейного имущества, я не могу допустить, чтобы с ним производились эксперименты, способные разрушить давно испытанную административную систему, которая так много лет действовала на пользу нашего имущества, не вызывая никакой критики».

Этот пример хорошо показывает, как император Франц-Иосиф противился всяким новшествам и как, с другой стороны, его племянник обнаруживал склонность к энергичному проведению административных и политических реформ.

Франц-Фердинанд был хорошо осведомлен – в гораздо большей степени, чем император, – о том, какое резкое недовольство существует среди угнетенных национальностей империи. У него была одна характерная черта, весьма ценная у правителя, – он был готов и даже желал знакомиться с фактами, как они есть, хотя бы они были и неприятны. Хотя он обладал весьма раздражительным характером, но был более склонен изливать свое раздражение на людей, которых подозревал в попытке обмануть его, чем на тех, которые говорили ему приятные истины.

Он старательно читал оппозиционные газеты и был поэтому хорошо осведомлен о настроении общественных кругов чехо-словаков, трансильванцев, хорватов и сербов, входивших в монархию Габсбургов. Он понимал, какие опасности угрожают в будущем, если не будут приняты меры для удовлетворения требований этих национальностей. Было хорошо известно,

что он решительным образом осуждал угнетательскую политику, которой держались мадьярские магнаты, правившие Венгрией. Но об этом еще будет сказано несколько дальше, когда мы будем говорить о свидании в Конопиште.

Господствующие мадьярские и немецкие клики порицали его за стремление оказать поддержку малым нациям. Этот упрек делает честь уму и чувству справедливости эрцгерцога. И в этом он опять-таки отличался от престарелого императора. Франц-Иосиф склонен был к полумерам и компромиссам. Он считал себя самого автором австро-венгерского компромисса 1867 года и не помышлял об изменении его. Наоборот, Франц-Фердинанд, по-видимому, считал дуалистическую организацию империи несчастной ошибкой, потому что она привела к сосредоточению огромной власти в руках венгерских магнатов. Поэтому он предполагал по воцелению на престол допустить замену дуализма 1867 года какой-нибудь разновидностью «триализма». Он старательно изучал вопрос возможной реорганизации государственного строя на федеративных началах, обдумывал предложения известных австрийских писателей, вроде Ламмаша, Тецнера и Штейнакера; он с большим интересом прослушал также изложение американской федеральной системы, сделанное профессором Колумбийского университета Берджесом. Берджесу предложили вновь посетить Вену, чтобы сообщить дополнительные сведения по этому вопросу, и он уже собирался отправиться в Европу, когда вдруг произошло убийство эрцгерцога.

Дальнейшим доказательством намерений Франца-Фердинанда провести реформу государственного строя в целях обуздания власти венгерских магнатов и расширения политических прав малых национальностей служат различные проекты, которые были опубликованы на основании оставшихся после него бумаг. Одним из наиболее поздних проектов является набросок манифеста, который он собирался опубликовать в случае, если периодически повторявшееся бронхиальное недомогание старого императора внезапно вызовет его смерть и откроется путь для нового режима. Манифест, хотя и составленный в несколько неясных и слишком общих выражениях, показывает, что наследник престола был подлинным другом хорватов и боснийских сербов и что он собирался, прежде чем присягнуть венгерской конституции, провести важные конституционные реформы в интересах всех малых национальностей. Приводим выдержки из этого манифеста.

«Ввиду того что всемогущему Богу было угодно призвать к себе после долгого и чрезвычайно счастливого царствования моего высокочтимого дядю...

Мы настоящим торжественно заявляем всем народам монархии о нашем восшествии на престол...

Ко всем народам монархии, к людям всех рангов, ко всем, кто выполняет свой долг на службе государству, к какой бы расе и вероисповеданию они ни принадлежали, – мы питаем одинаковую любовь. Знатные и простые, бедные и богатые – все будут равны перед нашим троном...

Мы намерены уважать и твердо охранять установленный государственный строй и судебную систему государства, при которой каждый гражданин имеет одинаковые права перед законом. Для благополучия и процветания всех народов во всех частях монархии мы считаем нашим первейшим долгом провести концентрацию в одно большое целое и создать гармоничную кооперацию, построенную на правильных принципах.

В конституции империи должны быть устранены все противоречия между законами Австрии и законами Венгрии относительно общих интересов монархии, которые делают невозможным принесение предписываемой законом присяги конституции, так как законы эти не согласуются между собой. Поэтому в залог исполнения нами наших священнейших обязанностей

правителя мы намерены подтвердить торжественной присягой при коронации все ясные по мысли постановления конституции, равно как и основные права и привилегии всего населения монархии. Наше правительство безотлагательно проведет мероприятия, необходимые, чтобы сделать это возможным...

Ввиду того что все народы, находящиеся под нашим скипетром, должны пользоваться одинаковыми правами в смысле участия в общих делах монархии, необходимо, чтобы каждой нации было гарантировано ее национальное развитие в рамках общих интересов монархии и чтобы людям всех рас, рангов и классов было доступно обеспечение их справедливых интересов посредством справедливых избирательных законов повсюду, где это еще не осуществлено».

Представляется, однако, сомнительным, действительно ли у Франца-Фердинанда было уже определенное решение относительно того, в какой форме надлежало провести реорганизацию. Граф Чернин, который был ближе многих знаком с идеями Франца-Фердинанда, говорит:

«Эрцгерцог был решительным сторонником программы Великой Австрии. Он имел намерение превратить монархию в довольно большое число независимых национальных государств с общей центральной организацией в Вене для всех важных и абсолютно необходимых дел. Другими словами, он хотел заменить дуализм федерализмом. Однако у него было много противников, которые решительно возражали против раздробления государства с целью поставить на его место что-то новое и, надо полагать, лучшее, а император Франц-Иосиф был слишком консервативен и слишком стар для того, чтобы согласиться на осуществление планов своего племянника. Этот прямой отказ осуществить план, который лелеял эрцгерцог, чрезвычайно обидел его, и он нередко горько жаловался, что император обращает на него так же мало внимания, как на последнего лакея в Шенбрунне. В Австро-Венгрии была сильно распространена совершенно ложная мысль, будто эрцгерцог выработал программу своей будущей деятельности. Этого не было. У него имелись весьма определенные и резкие идеи относительно реорганизации монархии, но эти идеи никогда не претворялись в конкретный план. Это скорее были наброски программы, которая осталась неразработанной в деталях».

Много дебатов вызвали два проекта, тесно связанные с идеей создания федерации. Один из них был предложен эрцгерцогу Конрадом в письме от 14 декабря 1912 года:

«Объединение югославянского народа представляет собой одно из тех явлений, определяющих историю наций, которые нельзя игнорировать и нельзя предотвратить. Вопрос только сводится к тому, должно ли объединение совершиться под контролем двуединой монархии, то есть за счет независимости Сербии, или оно должно совершиться под покровительством Сербии за счет монархии. Последнее означало бы для нас потерю югославянских земель и тем самым почти всего побережья. Такая утрата положения и престижа низвела бы монархию до уровня мелкого государства».

Конрад неоднократно настаивал на мирном включении всех югославян в империю Габсбургов. В июне 1913 года, накануне второй Балканской войны, австрийский военный атташе в Белграде доносил, что там имеется партия, сочувствующая этому проекту. Сущность его заключалась в том, что Австро-Венгрия должна была уступить Сербии южных славян, а Румы-

нии – родственное ей население в Трансильвании и затем сербское и румынское королевства, расширенные таким образом, должны были быть включены в федеральную империю Габсбургов и занять в ней приблизительно такое же положение, какое занимают королевства Баварское и Саксонское в Германской империи.

Но притом все признавали, что такое мирное включение Сербии и Румынии в австрийскую империю неосуществимо, потому что оба эти королевства никогда не согласятся пожертвовать своей полной независимостью. Аналогия с Саксонией и Баварией была не вполне уместна, потому что население этих государств принадлежит в своей главной массе к той же национальности, что и остальная часть Германской империи. Между тем Румыния и Сербия не только резко отличаются по национальности от немцев в Австрии и мадьяр в Венгрии, но и привыкли относиться к ним с глубокой враждой. К этому присоединяется еще то, что Вена и Будапешт взирают на Белград и Бухарест с аристократическим презрением, сверху вниз, как на представителей иной низшей цивилизации. Также и Тройственное согласие решительным образом возражало бы против такого явного усиления Австрии, а тем самым и Германии.

Другой план, который считался многими практически более осуществимым, носил совершенно иной характер и находился в полном противоречии с мнением Конрада относительно неизбежности объединения южных славян. С этим планом в течение долгого времени носился граф Эренталь. Он сводился к тому, чтобы противопоставить хорватов сербам и, таким образом, расколоть южных славян, следуя старому правилу: «Разделяй и властвуй». По этому плану намечалось создание «Великой Хорватии» как третьей единицы наряду с Австрией и Венгрией в *regium tripartitum* (триедином государстве).

Франц-Фердинанд был весьма благосклонно настроен по отношению к хорватам: они были католиками и помогли Габсбургам сохранить их власть во время революции 1848 года⁵. «Великая Хорватия», состоящая из славянских элементов – Хорватии, Славонии, Далмации и Боснии и Герцеговины – и наделенная одинаковыми политическими правами с остальными частями федерации (Австрией и Венгрией), могла бы образовать надежный оплот против пропаганды «Великой Сербии».

План этот имел много ярых сторонников среди самих хорватов, и если принять во внимание те злосчастные конфликты, которые имели место между сербами и хорватами после войны, вряд ли можно назвать его совершенно утопичным. Необходимо было только осуществить его своевременно. Но как раз в годы, предшествовавшие войне, антагонизм между сербами и хорватами быстро испарялся вследствие притеснений со стороны германских и мадьярских властей, а также вследствие активной пропаганды, которую развивала южнославянская интеллигенция.

Барон Музулин, наблюдательный венский дипломат и секретарь Министерства иностранных дел, который сам был родом из Хорватии, посетил в 1913 года свою старую родину и с тревогой отметил перемену, которая совершалась там быстрым темпом: переход от хорватской лояльности к югославянской агитации. Барон Музулин полагал, что хорватский крестьянин еще остался верен Габсбургам и что, усилив хорватские настроения, можно еще помешать югославянскому движению к объединению хорватов и сербов в «Великую Сербию».

Мнение барона Музулина, по-видимому, подтверждается одним инцидентом, который имел место на сараевском процессе и который показывает, что поверхностная югославянская агитация оказалась не в силах справиться со старой, вошедшей в плоть и кровь антипатией хорватов к сербам. На суде допрашивали некоего Садило.

Вопрос: Кто вы по вашим политическим убеждениям?

Садило: Я принадлежу к правой хорватской партии.

---

⁵ В 1848 году, во время войны с мятежной Венгрией, основной опорой Вены поначалу были войска хорватского бана Елачица. (Примеч. ред.)

Вопрос: Любите ли вы сербов?

Садило: Да, когда, я их не вижу (*смех*).

Это создание великой Хорватии (может быть, под историческим наименованием «Иллирии»), скорее всего, привело бы к мирному разрешению австро-сербского конфликта. Австро-Венгрия превратилась бы в таком случае в федерацию, состоящую по крайней мере из трех частей, и перестала бы представлять собой нечто вроде сиамских близнецов, из которых один упорно желал угнетать все немадьярские области. Но это означало полный переворот в конституции, и сразу же вызвало бы резкую оппозицию со стороны немцев и мадьяр.

К числу великих вопросов, на которые история не дала ответа, относится и вопрос: действительно ли Франц-Фердинанд сделал бы попытку заменить «дуализм» «триализмом», если бы он вступил на престол, и могла ли такая попытка увенчаться успехом?

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что ему обычно приписывали весьма широкие планы по реорганизации и усилению двуединой монархии; об этом говорит граф Чернин, на это указывалось и в большинстве некрологов. Опасение, что он это сделает, было одним из факторов, побудивших фанатически настроенных сербов организовать заговор с целью его убийства. И бесспорно, по этой же причине многие венские и будапештские государственные деятели облегченно вздохнули, когда узнали о событии в Сараеве.

Брак Франца-Фердинанда

Одним из наиболее роковых обстоятельств в жизни эрцгерцога был его брак. В начале 90-х годов в Вене ходили слухи, что он ухаживает за эрцгерцогиней Марией-Христиной, старшей дочерью эрцгерцога Фридриха и эрцгерцогини Изабеллы. Он часто посещал их в Пресбурге, иногда по два раза в неделю, и родители стали льстить себя надеждой, что дочь их со временем будет императрицей. Но в действительности Франц-Фердинанд сильно влюбился в одну из фрейлин их двора, графиню Софию Хотек. Это была красивая, высокая, гордая женщина, со сверкающими глазами и стремительной походкой. Она происходила из старинного обедневшего чешского аристократического рода.

В течение года их любовь оставалась тайной и не возбуждала подозрений. Когда они временно расставались, то каждую неделю обменивались письмами при посредстве одного из офицеров, пользовавшегося доверием эрцгерцога. Но потом произошла катастрофа. Однажды, переодеваясь после игры в теннис в Пресбурге, Франц-Фердинанд забыл свои часы, и лакей принес их к эрцгерцогине Изабелле. Она открыла брелок, по всей вероятности, рассчитывая найти там фотографию своей дочери, но вместо нее там оказалась фрейлина. Можно себе представить чувство разочарования, охватившее мать. Графиня София была немедленно уволена со всеми знаками немилости и должна была в ту же ночь покинуть дом.

В австрийской столице стали усиленно распространяться сплетни. Но Франц-Фердинанд с решительностью и упорством, которые ему были свойственны, заявил, что он женится на графине Хотек. Вся его габсбургская родня протестовала на том основании, что она только графиня, а не принцесса, не принадлежит к правящему дому и поэтому не может вступить в равный (*ebenburtig*) брак с эрцгерцогом.

Для престарелого императора Франца-Иосифа весть о решении его племянника была страшным ударом. Он считал это позором, не заслуженным его семьей. Для него это было последней каплей, переполнившей чашу горечи и семейных неприятностей: его брат Максимилиан был расстрелян в Мексике⁶, а жена брата от горя сошла с ума; его собственный един-

---

⁶ В 1864 году, во время французской интервенции в Мексике (1862–1867), честолюбивый эрцгерцог Максимилиан Габсбург по инициативе Наполеона III был провозглашен мексиканским императором. После эвакуации французских войск из Мексики в начале 1867 года Максимилиан отказался покинуть страну, был взят в плен республиканской армией Хуареса. Специально организованный военный трибунал четырьмя голосами против трех приговорил его к расстрелу. (*Примеч. ред.*)

ственный сын Рудольф умер насильственной смертью при весьма подозрительных обстоятельствах – вероятно, он покончил самоубийством, его жена, императрица Елизавета, была убита в 1898 года итальянским анархистом. Племянник его жены, душевнобольной Людвиг Баварский, утонул в Штарнбергском озере, куда он бросился, увлекая за собой пытавшегося его спасти спутника.

Его младший племянник Отто, брат Франца-Фердинанда, вел распутный образ жизни, нажил себе этим болезнь и неоднократно причинял неприятности престарелому императору, оскорбляя в нем чувство достоинства и приличия. А теперь его прямой наследник желал пренебречь европейскими традициями и испанским этикетом его двора и жениться на какой-то обедневшей графине, у которой к тому же предполагалась неблагоприятная психическая наследственность. И окружающие слышали, как император бормотал про себя: «Неужели и это не могло меня миновать?»

В течение месяца Франц-Иосиф решительным образом сопротивлялся браку, но когда он увидел, что это только усиливает упорство его племянника и что Франц-Фердинанд предпочтет отказаться от прав на престол, чем от руки любимой женщины, старый формалист пошел на компромисс. Брак мог состояться, но это должен был быть только морганатический брак. 28 июня 1890 года в малом зале совещаний в венском дворце в присутствии императора, эрцгерцогов и важнейших сановников было торжественно зарегистрировано оглашение брака. Одновременно с этим эрцгерцог огласил торжественный «акт об отречении», который был скреплен подписями и печатями в двух экземплярах, на немецком и мадьярском языках. Отречение это гласило:

«Наш брак с графиней Хотек является не равным, а морганатическим браком и должен считаться таковым отныне и навсегда. Поэтому ни супруга наша, ни дети, которыми, надеемся, благословит Господь наш брак, ни их потомки – не будут пользоваться правами, титулами, привилегиями и т. д., принадлежащими женам эрцгерцогов и их потомкам от равных браков. В частности, мы еще раз признаем и заявляем, что, поскольку дети от нашего вышеупомянутого брака и их потомки не будут членами высокого эрцгерцогского дома, они не пользуются правом престолонаследия».

Акт об отречении должен был стать источником невероятных огорчений и неприятностей в будущем, потому что те, кто был для эрцгерцога дороже всего, оказались лишенными прав и почестей, на которые они могли бы рассчитывать, если бы не существовали ограничительные правила феодального закона и испанского этикета. 28 июня стало роковым днем. Ровно через 14 лет, тоже 28 июня, револьвер убийцы, не признававший никакого различия по праву рождения, объединил в смерти обоих людей, жизнь которых в браке была омрачена морганатическими узами. А еще пять лет спустя, 28 июня, в девятнадцатую годовщину отречения эрцгерцога, был подписан Версальский договор, зафиксировавший трагический результат войны, непосредственным поводом к которой послужила смерть эрцгерцога.

После свадьбы графиня Хотек указом Франца-Иосифа была повышена в ранге и получила титул герцогини Гогенберг. Но, несмотря на это, она все же считалась по рангу ниже самой младшей из эрцгерцогинь. Судьба ее была далеко незавидна. «Величие куплено дорогой ценой», – говорят, призналась она как-то за год до смерти одному из своих близких друзей.

Члены императорской семьи часто подвергали ее жестокому унижению. Ходило много рассказов о чрезвычайно резких сценах, имевших место между Францем-Фердинандом и его родственниками из-за обид, причиненных его жене. В конце концов дошло до того, что наслед-

ник и герцогиня Гогенберг предпочитали совершенно уклоняться от всяких придворных церемоний⁷.

Так как Франц-Фердинанд видел, что жену его оскорбляют и унижают в Вене, то он был особенно признателен императору Вильгельму, который держался по отношению к ней несравненно более благородно. Это отчасти объясняет тесное сближение, происшедшее за последние годы перед войной между германским императором и эрцгерцогом.

При своем первом посещении Берлина Франц-Фердинанд, как и многие друзья кайзера, был пленен живостью императора, его умственными интересами и желанием угодить ему. В ноябре 1908 года германский император провел два дня с Францем-Фердинандом на охоте в Экартзау, на Дунае. Здесь их отношения приняли более дружеский характер. В следующем году эрцгерцог получил приглашение приехать в Потсдам, причем это приглашение относилось также и к герцогине Гогенберг. Ее приняли со всеми почестями, полагающимися эрцгерцогиням.

Такт, проявленный кайзером, находился в резком противоречии с тягостным этикетом Вены. При австрийском дворе во время обедов герцогиня Гогенберг вынуждена была сидеть далеко от своего мужа, в конце стола, позади всех австрийских эрцгерцогинь. В Потсдаме остроумно избегли этого неприятного положения – вместо того чтобы сажать ее за длинным столом позади всех персон более высокого ранга, там расставили целый ряд маленьких столиков. Германский император с императрицей, эрцгерцог и его жена обедали за одним столом, а другие гости за другими маленькими столами. Таким образом, не создали никакого прецедента, и нельзя было сказать, что германский двор оказал герцогине предпочтение перед какой-либо из принцесс королевской крови.

Впоследствии при посещении Вены германский император неизменно делал визит лично герцогине Гогенберг и всячески выражал ей свое почтение. Эрцгерцог был тронут этим, и поведение кайзера явилось одной из причин к тому, что между ними установились более интимные отношения и они часто обменивались визитами. Когда кайзер отправлялся на остров Корфу, эрцгерцог всегда старался устроить так, чтобы встретиться с ним и чтобы австрийский флот его приветствовал, или он приглашал его к себе в Бриони или Мирамар. В порядке обмена визитами явилось и приглашение кайзера посетить Франца-Фердинанда 12 июня 1914 года на его великолепной вилле в Конопиште, в Богемии.

---

⁷ Клерикальная газета «Рейхспост», считавшаяся личным органом Франца-Фердинанда, писала в номере от 17 января 1911 года: *«Нам неизвестны причины отсутствия высочайшей четы, но нам понятно, если положение, занимаемое по действующему придворному церемониалу супругой наследника престола, будет сочтено крайне тягостным и ничем не оправдываемым. Согласно этому церемониалу, жена наследника значится по рангу не только ниже замужних дам императорского дома, но даже ниже самой молодой из принцесс. Мы припоминаем неприятную сцену на придворном балу два года тому назад, когда члены императорского дома появились в бальной зале, причем каждый из принцев императорского дома вел под руку даму соответствующего ранга, тогда как жена наследника престола должна была войти в зал одна. В нынешнем году несколько молодых эрцгерцогинь в первый раз выезжают на придворный бал, и жесткость соблюдавшегося до сих пор церемониала, пожалуй, еще резче бросится в глаза. Можно вполне понять, если герцогиня София фон Гогенберг пожелала избежать тягостного положения хотя бы уж ради его высочества, своего супруга».* (Примеч. авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.